

Глава 20. Тщеславный муж-супруга властного президента

Несмотря на слова Третьего молодого господина Цао, Цю Цинжун не спешил соглашаться — он не желал иметь ничего общего с этой затеей.

Мужчина ожидал, что собеседник продолжит его уговаривать, но Цао Сань вдруг уставился куда-то ему за спину. Лицо развязного юнца мгновенно приняло подобострастный вид; он вытянулся в струнку, выглядя даже более серьезным, чем при встрече с собственным отцом.

Сердце Цю Цинжуна тревожно екнуло. Он обернулся и увидел Мин Яо. Тот сидел в кресле-каталке и молча наблюдал за ними.

Он мысленно поблагодарил судьбу: пусть и не было ясно, сколько именно господин Мин успел услышать, но, по крайней мере, сам Цю не наговорил лишнего и твердо отклонил просьбу приятеля.

Мин Яо не проронил ни слова. Он лишь окинул их коротким взглядом и направился прочь. В этом взгляде не было даже гнева — лишь ледяное пренебрежение человека, смотрящего сверху вниз, напоминающее о той бездонной пропасти, что разделяла их.

На душе у Цю Цинжуна стало горько. По возрасту он был даже чуть старше, и осознание их социального неравенства вызывало в нем глухую обиду.

Стоящий рядом бездельник явно не был склонен к подобным душевным терзаниям. Как только Мин Яо отъехал подальше, Цао Сань с облегчением выдохнул и театрально прижал руку к груди.

— Ну и жуть... Очевидно же, что он... а всё равно так страху нагоняет, — пробормотал он.

Этот юноша никогда не лез за словом в карман, но, называя мужчину калекой, всё же не решился говорить вслух — лишь невнятно промямлил себе под нос.

— Раз так нужны контакты — иди и спрашивай сам, я тебе не помощник, — отрезал Цю Цинжун.

Он не просто хотел умыть руки, но и решил понаблюдать со стороны, чем всё это закончится.

— Ладно-ладно, — обреченно вздохнул Цао Сань. — Пойду попытаю счастья сам.

***

На самом деле Мин Яо не был до конца уверен, о Лин Чжи они говорили или нет, но продолжать слушать этот омерзительный треп у него не было ни малейшего желания.

Впрочем, они действительно напомнили ему о важном: на руках супруга не было кольца — знака того, что он связан узами брака. Президент взглянул на свои собственные пальцы, лишённые каких-либо украшений, и поджал губы.

Он не готовил обручальных колец. Перед регистрацией брака они подписали контракт. Это был деловой союз, лишённый чувств — по крайней мере, тогда он полагал, что никакой привязанности между ними не возникнет. А поскольку брак был тайным, у них не было ни свадьбы, ни торжества, ни украшений.

«Стоит ли отвезти Лин Чжи в ювелирный, чтобы он сам выбрал кольцо?»

«Но готовые изделия могут показаться ему слишком обыденными. Быть может, он больше оценит работу на заказ?»

«Или лучше сделать сюрприз? Дождаться, когда всё будет готово, и просто надеть кольцо ему на палец».

В голове мужчины одна за другой возникали идеи: чистота бриллианта, тонкости дизайна... Когда кто-то из гостей подходил к нему, он отвечал вежливо, но отстраненно, и никто не мог заподозрить, что в этот момент его мысли заняты выбором обручальных колец.

***

В другом конце зала Лин Чжи беседовал с Цзи Шуанчэном.

Хотя тот и был приезжим коммерсантом, он уже успел наладить сотрудничество с «Цимином» и через владельца компании познакомился со многими местными предпринимателями. Господин Цзи давно заметил Мин Яо и стоящего рядом с ним юношу, но не спешил подходить с приветствиями, решив дождаться момента, когда тот освободится.

Цзи Шуанчэн заговорил о совместном проекте с «Цимином». Лин Чжи слушал с неподдельным интересом, изредка вставляя замечания.

— Речь о том участке в восточной части города? Да, расстояние приличное, но с точки зрения логистики место вполне удачное.

— Совершенно верно. Окрестности пока пусты, но я верю в потенциал этого района.

Коммерсанту искренне нравилось общаться с собеседником. Неважно, шла ли речь об

искусстве или о бизнесе, — после пары встреч он понял, почему Ху Тун так дорожит дружбой с этим молодым человеком и почему тот так неохотно шел на личные встречи.

Разговор с Лин Чжи приносил удивительное эмоциональное удовлетворение. Казалось, он с полуслова улавливает саму суть того, что ты хочешь выразить. На такого человека невозможно было злиться, даже подозревая его в неискренности. Господин Цзи тоже хотел видеть его в кругу своих друзей.

В самый разгар их оживленной беседы вклинился чужой голос:

— Прошу прощения, что прерываю. Вот моя визитка. Могу ли я надеяться на взаимность и получить ваш номер?

Цао Сань с бокалом в руке подошел к Лин Чжи и протянул карточку. В компании отца он занимал чисто номинальную должность, но внешне старался держать марку.

Из вежливости Лин Чжи принял визитку. Мельком взглянув на имя, он тут же вычеркнул этого человека из своего списка социальных контактов — ни в каком смысле у него не было нужды в общении с подобным типом.

Цао Сань, решив, что дело в шляпе, ослепительно улыбнулся — этой улыбкой он долго тренировался перед зеркалом.

— Вы свободны сегодня вечером? Может, выпьем где-нибудь вместе?

Цзи Шуанчэн покосился на наглеца, чувствуя легкое раздражение. Он не знал этого человека, но безошибочно узнал в нем типичного прожигателя жизни, чей тон был слишком уж недвусмысленным.

Лин Чжи ответил прямо и холодно:

— Простите, я занят.

Однако Цао Сань не был из тех, кто отступает перед трудностями. В погоне за очередным трофеем его кожа становилась толще брони, поэтому даже после отказа он продолжал улыбаться.

— Что ж, тогда дайте знать, когда освободитесь. Я буду ждать вашего звонка в любое время.

С этими словами он, явно довольный собой, удалился, унося визитку Лин Чжи.

Господин Цзи не выдержал:

— Кто это вообще такой?

— Неважно.

Лин Чжи сложил полученную карточку пополам и небрежно бросил её в урну, стилизованную под античную скульптуру. Для него и его собеседника это был лишь досадный эпизод, не стоящий памяти.

Но эту сцену видел Мин Яо. В этот момент перед ним стоял Директор Цао — отец незадачливого ухажера, — расплывающийся в улыбке и рассуждающий о дальнейшем сотрудничестве.

Глядя на его самодовольное лицо, президент прервал его на полуслове:

— Полагаю, в нашем дальнейшем сотрудничестве нет нужды.

Улыбка Директора Цао застыла. Он на мгновение усомнился в собственном слухе.

— Завтра я пришлю людей для расторжения текущих договоров. Моя компания выплатит все полагающиеся неустойки, но в данном проекте мы больше не партнеры.

Стоящие рядом гости замерли в изумлении, но у кого-то в глазах уже вспыхнул азарт. Рынок не терпит пустоты: если одного вышвырнули, значит, его место может занять кто-то другой.

— Простите, господин Мин... Могу я узнать причину? — выдавил Директор Цао, чувствуя, как в груди закипает ярость. Если эта сделка сорвется, он потеряет колоссальную прибыль. Как он мог упустить такую жирную добычу?

— Претензий к работе нет. Но будет лучше, если вы направите эту энергию на воспитание своего сына. Возможно, тогда ваши дела пойдут в гору.

Сказав это, Мин Яо покинул зону обсуждения.

Новость о том, что он прилюдно разорвал отношения с семьей Цао, мгновенно разлетелась по банкетному залу. Мало кого заботили истинные причины — всех волновала лишь внезапно открывшаяся возможность.

Лин Чжи, разумеется, тоже узнал об этом. Как и подобает партнеру, он тут же вернулся к супругу, помогая ему справляться с расспросами бизнесменов, жаждущих занять вакантное

место.

Юноша счел это забавным совпадением, не более. Он не мог и помыслить, что Мин Яо пойдет на такие убытки лишь из-за того, что Третий молодой господин Цао позволил себе лишнего.

***

После окончания приема Директор Цао, вне себя от гнева, созвал всех своих детей и потребовал признаний: кто и где успел натворить дел?

Слова Мин Яо прозвучали как клеймо «неспособен воспитать детей», выжженное прямо на его лице. Глава семьи Цао вложил в это сотрудничество столько сил, а теперь внезапный разрыв грозил обернуться катастрофой, которую не покроет никакая неустойка. Не говоря уже о том, что теперь многие партнеры отвернутся от него, почуяв неладное.

Сыновья переглядывались, в один голос утверждая, что ни в чем не виноваты. Разъяренный отец в сердцах грохнул по столу, требуя правды.

Поняв, что на этот раз родитель настроен серьезно, братья принялись вспоминать свои последние поступки. Но никто из них не пересекался с семьей Мин. Директор Цао нахмурился и перевел взгляд на третьего сына, который сидел в стороне, нервно подергивая ногой.

Никто не верил, что это его рук дело — все знали, что Цао Сань лишь прожигает жизнь, не лезет в дела компании и уж точно не мог дорогу перейти такому человеку. Но раз все остальные были чисты, оставался лишь один вариант.

Юноша, почувствовав на себе тяжелые взгляды, замер.

— Если только... мои слова кто-то не передал... — робко начал он.

— Что ты там наболтал, пустоголовый?! — взревел отец.

— Ну, там был один секретарь... симпатичный такой. Кто-то сказал, что он женат, а я ответил, что мне такие даже больше по вкусу и что я не прочь с ним развлечься. Мин Яо стоял рядом, но это же просто треп! Это же не его жена, в конце концов...

Директор Цао вскочил и, не слушая стенаний, вцепился сыну в ухо.

— Идиот! Большой придурок! В мире столько людей, а ты решил покуситься на его человека?! Ты думаешь, его секретарь — это обычный мальчишка на побегушках? О чем ты вообще думаешь своей пустой башкой?!

Отец окончательно вышел из себя. Он выхватил ремень и принялся воспитывать сына. Цао Сань метался по комнате под градом ударов, пока под присмотром родителя не выбросил визитку Лин Чжи, не удалил его номер и не поклялся никогда больше не лезть к чужим людям. Лишь тогда глава семейства остановился.

Много позже, когда о связи Мин Яо и Лин Чжи станет известно всем, Цао Сань осознает, что именно он натворил в тот вечер. И тогда отец снова возьмется за ремень.

Но это будет потом.

***

Лин Чжи не вспоминал о назойливом кавалере и уж точно не интересовался его судьбой.

Его мысли были заняты предстоящим днем рождения Мин Яо. До заветной даты оставалось восемь дней. Срок и долгий, и короткий одновременно.

За это время юноша еще несколько раз навещал Старейшину Мина. О празднике он больше не заговаривал, лишь исподволь собирал информацию о прошлом. Дедушка не вдавался в подробности, но показал ему старые фотографии. Это был толстый альбом, заполненный лишь на четверть.

Последний снимок был сделан в день трагедии. Семнадцатилетний юноша с гордым взглядом и легкой улыбкой, свойственной детям из богатых семей, смотрел в камеру. Рядом — родители; на фото они выглядели идеальной, счастливой семьей.

С тех пор черты Мин Яо почти не изменились, но внутренне он стал совершенно иным человеком.

***

Двадцать третьего числа метеослужба утром выпустила экстренное предупреждение: объявлен красный уровень опасности из-за ливней.

Небо с самого рассвета оставалось свинцовым, в глубине облаков изредка ворчали раскаты грома. Дождь еще не начался, но тяжелый, давящий небосвод нагонял тоску.

Занятия в школах отменили, многие компании отпустили сотрудников домой пораньше.

К полудню здание корпорации «Мин» почти опустело. Лин Чжи тоже вернулся домой. Мин Яо сегодня в офисе не появлялся. Юноша полагал, что тот поехал на кладбище, но 01 сообщил, что координаты цели не менялись — мужчина всё это время был дома.

Лин Чжи позвонил бабушке, напомнил, чтобы тот закрыл все окна и не выходил на улицу.

— Я справлюсь, — ответил старик. — Ты только не тревожь его сегодня. В дождь ему всегда тяжелее... Пусть побудет в тишине.

Юноша согласился, и на том конце повесили трубку.

В доме было темно. Несмотря на то что шел лишь второй час дня, сумерки сгустились так, будто наступил вечер. Вспышка молнии на мгновение озарила лицо Лин Чжи. Секунду спустя небо расколол оглушительный удар грома, и начался ливень.

Лин Чжи не стал включать свет. Он направился в ванную.

В коробке с вещами еще оставался флакон с прозрачным гелем, купленный когда-то в комплекте с парой презервативов Durex. Пользовался он ими редко, поэтому бутылочка была полна наполовину.

Он любил ритуалы. К тому же для успеха его плана требовалась тщательная подготовка, поэтому он решил провести все предварительные процедуры самостоятельно.

Сплошная стена дождя с шумом обрушилась на землю. Этот звук приносил странное успокоение. Движения юноши были небрежными, но точными; его пальцы в полумраке казались бледными и почти прозрачными.

Он не нервничал. Хотя, возможно, стоило бы — это помогло бы не вспоминать о прошлом.

***

После того как их семью вышвырнули, родные вернулись в родовое поместье. Старый дом давно пришел в упадок, но другого убежища у них не было.

У деда было три сына. Его отец, старший, не отличался особыми талантами. Решение, приведшее клан к краху, приняли младшие братья-близнецы, но вся тяжесть ответственности легла на плечи отца как на главу дома.

После катастрофы Второй дядя сломался; к тому же в аварии он лишился руки. Жена Третьего дяди забрала новорожденного ребенка и ушла — это было их общее решение, они не хотели обрекать дитя на нищету.

Они не просто потеряли всё. На них висели колоссальные долги.

На него, старшего сына главной ветви, возлагали все надежды. Видя его недетский талант, семья, как одержимый игрок, поставила на него последнюю ставку.

Первый раз его наказали в четырнадцать лет — за розовое любовное письмо.

В тесной комнате вся семья смотрела на него, стоящего на коленях. Десятилетний сын Второго дяди в ужасе прятался за спиной матери, глядя, как бранят брата. Но тетке было не до него — на её руках заливался плачем шестимесячный младенец.

— Как ты смеешь думать об этой чепухе?! Все твои силы должны быть отданы учебе! Ты — наша последняя надежда! Тебе нельзя никого любить, нельзя позволять кому-то отвлекать тебя! У тебя есть только одна цель!

— Ты ведь не держал её за руку?

Они до безумия боялись, что юное сердце соблазнится первой любовью. Любой контакт считался предательством. То письмо разорвали в клочья и сожгли, обратив в пепел.

Лин Чжи не чувствовал ни гнева, ни унижения. Он даже ободряюще улыбнулся испуганному малышу, прятавшемуся за спиной тетки. Та девочка ему не нравилась. Ему нравились мальчики.

Разумеется, об этом никто не должен был узнать — его несчастная семья не пережила бы подобного удара. Но именно с того дня у Лин Чжи появилась некая одержимость телесной чистотой. Впрочем, он не считал это травмой и никогда не страдал по этому поводу.

***

Остановившись примерно на трех пальцах, Лин Чжи вымыл руки. Кончики пальцев еще пахли клубникой — ароматом того самого геля. В следующий раз стоит попробовать что-нибудь другое.

Он подошел к гардеробу и выбрал свободную футболку, которая доходила ему до середины бедра.

За окном бушевала стихия. Лин Чжи не стал вызывать лифт; он вышел на лестничную площадку и начал медленно подниматься вверх.

01, не знавший истинных намерений своего подопечного, встревоженно спросил:

[Хост, мы действительно идем к нему?]

«Да», — Лин Чжи едва заметно улыбнулся. Им предстояло увлекательное приключение.

Если всё пройдет гладко, прогресс миссии должен будет подскочить до девяноста процентов. Если же нет, останется только одно — «рыба умрет, и сеть порвется».

Если только Мин Яо не умрет сегодня ночью, вероятность его провала стремится к нулю.

<http://bllate.org/book/15821/1428265>